

УДК 130.2

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-305-311

**МЕЖДУ СТЫДОМ И КАЗНЬЮ. ФЕНОМЕН НАКАЗАНИЯ В РУССКОЙ
КУЛЬТУРЕ XVII – НАЧАЛА XIX ВЕКА****BETWEEN SHAME AND EXECUTION. THE PHENOMENON OF PUNISHMENT IN
THE RUSSIAN CULTURE OF THE XVII – EARLY XIX CENTURY****А.С. Горяинова****A.S. Goryainova**

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7

State Institute of arts and culture,
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: fin@bgiik.ru

Аннотация

В статье отмечается, что первые упоминания о наказании мы находим в житийной литературе, в которой телесные страдания связаны с терпением христианина. Такое понимание наказания сыграло огромную роль в становлении русской этической мысли и понимании наказания в русской культуре. Русские писатели XIX века не раз обращались в своём творчестве к теме заключения, неволи, наказания. Так, интерпретация феномена наказания в творчестве М.Ю. Лермонтова обнаруживает две парадигмальные модели: социально-этическую (примирения и единения с людьми и миром) и государственно-патриотическую (наказание как утверждение легитимной власти). Концепция стыда и страха в культуре Ю.М. Лотмана позволяет обозначенные выше модели распространить на всю отечественную культуру этого периода.

Abstract

The article examines the phenomenon of punishment in the Russian culture of the XVII - beginning of the XIX century. It is noted that one of the first mentions of the punishment we find in the literature of life, in which physical suffering is associated with the patience of the Christian. This understanding of punishment has played a huge role in the development of Russian ethical thought and the understanding of punishment in Russian culture. Russian writers of the XIX century more than once turned in their works to the topic of imprisonment, bondage, punishment. Freedom as an idea and value for European culture is one of the main ones. It is also comprehended by domestic thinkers, as the interpretation of the phenomenon of punishment in the works of M.Yu. Lermontov reveals two paradigmatic models: the socio-ethical (reconciliation and unity with people and the world) and the state-patriotic (punishment as a statement of legitimate power). The concept of shame and fear in the culture of Yu.M. Lotman allows the models outlined above to extend to the entire national culture of this period.

Ключевые слова: наказание, культура, религия, литература, насилие, свобода.

Keywords: punishment, culture, religion, literature, violence, freedom.

Один из первых источников в русской культуре, хранящий в себе исторические свидетельства и рефлексию переживаемого наказания – это «Житие протопопа Аввакума» (1672–1675 гг.) (в частности, отражена ссылка в Сибирь). По сути, это первая автобиография, созданная в русской литературе. В этом сочинении отразилось стойкое и неустрашаемое отношение ко всем лишениям, неспособным переломить веру священномученика. Эта стойкость основывается на убеждении, что перетерпеть наказание поможет Бог: «...там

зима в те поры живёт, да Бог грел и без платья! Что собачка в сололке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было: я их скуфьею бил — и батонка не дадут! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много»¹. Аввакум уверен, что придётся терпеть до самой смерти («На меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!») (Житие)), но его цель — сохранить веру в душе и следование христианским принципам. В таком контексте, наказание выступает для верующего как неизбежное испытание, которое необходимо вытерпеть, преодолеть все соблазны освобождения от него разными способами, чтобы укрепить в душе нравственные, праведные, христианские основы. Выраженное стоическое отношение к наказанию, связывание телесных мук с терпением христианина ради духовных истин сыграло огромную роль в становлении русской этической мысли и отразилось в последующих этапах развития культуры.

С другой стороны, существует соблазн объяснить этим смиренным терпением русского человека — существование длительный период времени практики телесных наказаний. Хотя общество периодически и пыталось протестовать теми или иными способами против телесных наказаний, но они продолжались исполняться, возможно, из-за слабой реакции общественных групп, а также культурной установки на терпение и смирение (особенно в среде обездоленных людей, крестьян, нищих, бедных мещан, в то время как у обеспеченных сословий потребности в сопротивлении, фактически, не было — телесные наказания к высоким сословиям применялись чрезвычайно редко) [Борисов, 2018]. Наиболее радикальные протестные реакции против наказаний возникли лишь в среде русских революционеров в конце XIX в. и были связаны с явлением идей о терроре в этой революционной среде: громкие убийства и покушения [Борисов, 2011]. Ещё одним громким событием явилась Карийская трагедия (самоубийство 6 политических заключённых Карийской каторги и массовое самоотравление других осуждённых 7-8 ноября 1889 г.) [Мошкина, 2008], в результате чего политическая тюрьма Карийской каторги была расформирована.

Следующий шаг в рефлексии наказания был сделан писателем А.Н. Радищевым, отправленным в сибирскую ссылку. Он оставил записи и письма, из которых можно узнать подробности его ссылки, наблюдения за природой и климатом, особенностями Сибири. Кроме этого, он написал несколько работ: «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792–1796), «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» (1791–1796) [Софронов, 2012]. Радищев пишет в письмах о душевном беспокойстве, хотя и отмечает, что имеет надежду и наблюдает соболезнование и человеколюбие в отношении себя со стороны начальства (в письме А.Р. Воронцову от 22 октября 1790 г.) [там же]. Общий эмоциональный тон этих писем — от скорбного, униженного и самоуничижающего состояния до воодушевления и осторожной радости — позволяет предположить зависимость А.Н. Радищева от условий его ссылки и ориентир писателя на собственные душевные силы ради преодоления всяких невзгод. Полная зависимость писателя от своего положения отчасти парализует его деятельность, но не заставляет отказаться от интеллектуального труда. Судя по всему, в отличие от других писателей, получивших опыт несения наказаний, ссылка А.Н. Радищева не придала ему душевных сил и вдохновения, а работал он вопреки всему, существенно не находя в наказании новых этапов своего литературного развития, возможно остро чувствуя своё униженное положение.

Характерно, что русские писатели XIX века не раз обращались в своём творчестве к теме заключения, неволи, наказания. Поскольку в русской повседневности, начиная с периода Просвещения, постоянно возникал вопрос о свободе человека (крепостное право, рекрутская повинность, каторга и ссылка, насильный постриг и т.д.), да ещё и на фоне

¹ *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=105551&p=5> (дата обращения: 15 апреля 2019).*

сравнения с жизнью Европы, неудивительно, что многие деятели искусства обратили своё творчество к этой социально актуальной теме. Но и до этого периода крупные исторические события постепенно формировали и подготавливали момент осознания обществом масштабности проблемы наказания (репрессии старообрядчества).

Свобода как идея и ценность для европейской культуры основополагающая. Поэтому для литераторов Просвещения характерно обращение к европейской литературе, которая была насыщена самыми разными идеями. В частности, была переведена пьеса У. Шекспира «Гамлет», сюжет которой, несомненно, касается тематики наказания, возмездия, мести. В 1748 г. «Гамлета» представляет читателям А.П. Сумароков, который использовал французский перевод. Оригинальная театральная пьеса не только отвечала требованиям сцены и зрителей, – яркость событий, динамика действия, острая характерность персонажей, смелость, даже эпатажность сюжета (которая могла даже шокировать публику) – но и вполне укладывалась в рамки общественного мировоззрения того периода, ведь за торжество справедливости и разумность наказания отвечало небо, провиденье. Наказание хоть и творилось руками ущемлённого, уязвлённого человека, но было легитимировано честью, кровью, происхождением, статусом, долгом, верой, сыновьей любовью, то есть многократно оправдывалось и не оспаривалось сверхъестественными силами (вмешательство мистики, сверхъестественного в сюжет – характерный шекспировский приём). Однако для торжествующей государственности и закона, образованности и культуры Просвещения такой сюжет, безусловно, оказывался вреден. Перевод «Гамлета» для отечественной культуры Просвещения оказался опоздавшим, но и одновременно предвосхитившим романтизм явлением.

Одной из отправных точек общественного интереса можно считать, вероятно, декабрьское восстание 1825 г., когда русское мыслящее дворянство, интеллигенция впервые непосредственно и напрямую столкнулась с ужасающим мраком тюрьмы и холодом ссылки (до этого события, конечно, можно вспомнить судьбу А.Н. Радищева, но всё же такая ситуация была единичной). Но и сама идея сравнить человека вольного, истинно свободного и полностью скованного обстоятельствами, а то и физическими лишениями, витала в воздухе периода романтизма. Например, в 1822 г., в ссылке, А.С. Пушкин пишет стихотворение «Узник». Предполагают, что в основу произведения могло лечь впечатление от посещения поэтом Кишиневского острога. В 1821 г. М.Ю. Лермонтов сочиняет стихотворение «Кавказский пленник», а в 1839 создаёт поэму «Мцыри», сочетая образы воли и неволи в едином литературном тексте. Поэты как будто ищут свободу вне общества, вне людей, осознавая, что социум накладывает на любого жёсткие обязательства, законы, рамки поведения. Представление о человеке, должного быть наделённым свободой, в период романтизма перекликалось с популярностью образа дикаря, воспроизводимого культурой Просвещения.

Первые интерпретации, которые явно видны при прочтении данных литературных произведений – это репрезентация заключения как причины невыносимой жизненной скуки и тоски, граничащей с жаждой смерти, желанием уйти от неё любой ценой. Например, в стихотворении А.С. Пушкина наряду с желанием улететь присутствует образ окровавленной пищи, «мертвого тела», а поэма М.Ю. Лермонтова «Мцыри» заканчивается не только смертью животного, но и угасанием главного персонажа как подобного зверю живого существа, жаждущего свободы, тоскующего по родине, т.е. проявляется патриотическая интерпретация категорий свободы и не-свободы. Свобода есть упоение жизнью для писателей и поэтов романтизма. Но смерть – это также освобождение. Освобождённый человек настолько счастлив, что не может кого-то проклинать или желать зла [Липич, 2012]. Таким образом, причина всех несчастий для романтиков лежит не столько в самом человеке, сколько в обстоятельствах, заставляющих человека утратить свободу.

С другой стороны, проникающие тенденции европейского романтизма (причины которого следует искать совсем в других, непохожих реалиях жизни) позволили не выглядеть теме наказания слишком мрачно или революционно на фоне утверждающейся эсте-

тики самого романтизма, а позднее и модерна. Противопоставляя и сравнивая в силе природу и человека, романтики смягчали мрачность сюжетов картинами роскошной, буйной природы, прекрасной даже в своей ярости, дикости [Липич, 2014].

М.Ю. Лермонтов – автор многих литературных произведений, концентрирующих наше внимание на категориях свободы («Белеет парус одинокий...»), «Тучки небесные, вечные странники...»), неволи («Желание»), наказания («Маскарад»). Отходя от видения природы как пространства свободного, он приходит к образу экзотической природы Кавказа, горных далей как пространству сочетания и свободы, и несвободы (в горах трудно избежать судьбы и куда-либо убежать, они как защищают, так и преграждают путь). В этом ему помогает образ не только гор, но и горца, с одной стороны, как опасного соперника, способного прервать и жизнь, и свободу, с другой – как исключительно свободного человека. Безусловно, такая интуитивно-чуткая интерпретация была вызвана обстоятельствами личной биографии поэта, который видел в детстве Кавказ как страну познания, воскрешения физических и интеллектуальных сил, освобождения от недугов и болезней, место обитания крепких нравом и выдержкой людей, свободных, рискующих; а во взрослом состоянии ощутил этот регион как место ограничения своей свободы.

Произведение М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» – тоже пример обращения поэта к теме справедливости, наказания. Сама казнь купца Калашникова – момент проявления совести, чести и стыда. М.Ю. Лермонтов ловко схватывает характерную черту отношения своих соотечественников к наказанию, как к парадоксальному моменту единения с народом, проявления чести, доблести, смелости. В доказательство можно привести отрывок свидетельств проф. Сергиевского в отношении казней, который приводится в работе И.Я. Фойницкого: «Иностранцы склонны были видеть в этом одну жестокость нравов или апатию к жизни, но не то это было в действительности. Это было, думается нам, ясное сознание неизбежного подчинения государственной силе, одержавшей победу, после которой побеждённому оставалось одно – умереть. Борьба кончена, счета сведены, другого выхода нет! И шёл русский человек на плаху с одной мыслью: умереть в порядке; и старался он умереть под топором палача, по возможности, так же, как дед и отец его умирали у себя в избе, в большом углу, на лавке под образами. Тридцать астраханцев, о которых рассказывает де-Бруин, вышли на казнь даже не связанные, и тихо стояли в кругу, ожидая каждый своей очереди. Перри говорит: "Русские ни во что не ставят смерть и не боятся её. Когда им приходится идти на казнь, они делают это совершенно беззаботно. Я сам видел, как осужденные шли с цепями на ногах и с зажженными восковыми свечами в руках. Проходя мимо толпы народа, они кланялись и говорили: простите, братцы! и народ им отвечал тем же, прощаясь с ними; и так они клали головы свои на плахи и с твердым, спокойным лицом отдавали жизнь свою". Стрельцы сотнями шли на казнь, не связанные и не скованные, в одних только ножных колодках, несколько затруднявших ходьбу; шли спокойно («mit grosser Unempfindlichkeit», по выражению Гордона), сами всходили на лестницу к виселицам, крестились на все четыре стороны, прощались с народом, опускали на глаза саван, надевали себе петлю на шею и бросались с подмосток» [Фойницкий, 1886].

В то же время наказание в произведении М.Ю. Лермонтова оказывается проявлением благоволения и любви царя, оказанием почести. Литературная интерпретация М.Ю. Лермонтова феномена наказания обнаруживает две модели: социально-этическую (момент примирения, единения с людьми, миром, когда тень преступника не ложиться на его потомство и он чист перед всем миром после казни, защита чести и торжество справедливости) и государственно-патриотическую (наказание как утверждение легитимной власти, справедливости). Вторая модель может показаться странной, учитывая настрой поэта против царизма, но не будем в целом забывать патриотические чувства поэта, автора поэмы «Бородино». В произведении о купце Калашникове наказание выступает подвигом, необходимым для утверждения справедливости, поэтому и приветствуется как мо-

нархом, так и самим осуждённым, а сам осуждённый выступает героем, которому сочувствует народ. Герой выпрашивает казнь, иначе на него самого и его семью ложиться позор бесчестия. «Я скажу тебе, православный царь: / Я убил его вольною волей, / А за что, про что – не скажу тебе, / Скажу только богу единому. / Прикажи меня казнить – и на плаху несть / Мне головушку повинную; / Не оставь лишь малых детушек, / Не оставь молодую вдову / Да двух братьев моих своей милостью». / «Хорошо тебе, детинушка, / Удалой боец, сын купеческий, / Что ответ держал ты по совести. / Молодую жену и сирот твоих / из казни моей я пожалую, / Твоим братьям велю от сего же дня / по всему царству русскому широкому / Торговать безданно, безошлинно. / А ты сам ступай, детинушка, / На высокое место лобное, / Сложи свою буйную головушку. / Я топор велю наточить-наострить, / Палача велю одеть-нарядить, / В большой колокол прикажу звонить, / Чтобы знали все люди московские, / Что и ты не оставлен моей милостью...». Далее следуют строки, обозначающие торжественность момента, величие казни перед всем миром и присутствие семьи Калашниковых: «Как на площади народ собирается, / Заунывный гудит-вост колокол, / Разглашает всюду весть недобрую. / По высокому месту лобному / Во рубахе красной с яркой запонкой, / С большим топором наострѣнным, / Руки голые потираючи, / Палач весело похаживает, / Удалова бойца дожидается, / А лихой боец, молодой купец, / Со родными братьями прощается: / «Уж вы, братцы мои, други кровные, / Поцалуемтесь да обнимемтесь / На последнее расставание. / Поклонитесь от меня Алёне Дмитриевне, / Закажите ей меньше печалиться, / Про меня моим детушкам не сказывать; / Поклонитесь дому родительскому, / Поклонитесь всем нашим товарищам, / Помолитесь сами в церкви божией / Вы за душу мою, душу грешную!».

Наказание выступает как забвение, ведь детям про отца наказано «не сказывать». Несмотря на отстоянную честь, Калашникова ожидает позор как казнѣнного. Это также социально-этическая модель интерпретации наказания, толкование наказания как позорного, стыдного действия, обесценивающего человека и его тело: «И казнили Степана Калашникова / Смертью лютою, позорною; / И головушка бесталанная / Во крови на плаху покатила. / Схоронили его за Москва-рекой / На чистом поле Промеж трёх дорог: / Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской, / И бугор земли сырой тут насыпали, / И кленовый крест тут поставили, / И гуляют-шумят ветры буйные / Над его безымянной могилкою, / И проходят мимо люди добрые: / Пройдѣт стар человек – перекрестится, / Пройдѣт молодец – приосанится; / Пройдѣт девица – пригорюнится, / А пройдут гуслиеры – споют песенку».

Смертная казнь и пытки вполне могли вызывать чувства постыдного в русской традиционной культуре, равно как и в других культурах. Объяснить это можно не только «духовным позором» осуждённого, но и присутствием наготы, неэстетичного, грязного внешнего вида (по некоторым свидетельствам боярыня Ф.П. Морозова перед смертью просит стороживших её солдат постирать её рубашку, чтобы умереть в чистой одежде – процедура не сколько гигиеническая, сколько символически утверждающая нравственную чистоту осуждённой), дурнотой запахов, (к дворянству, воспитанному в строгом порядке, тем не менее, телесные наказания не применялись в некоторые исторические периоды), реакциями тела на истязания (истязаемый осуждённый мог истекать различными жидкостями). Телесные наказания – удел простых людей, принадлежащих низшим сословиям.

Отсутствие страха у осуждённых, в том числе и у купца Калашникова, говорит о том, что такой человек не отделял себя от других – власти, народа, всего «честного мира». Ю.М. Лотман оставил интересные наблюдения в отношении чувств стыда, страха, бытующих в русской повседневной культуре. Он указывает: «С психологической точки зрения, сфера ограничений, накладываемых на поведение типом культуры, может быть разделена на две области: регулируемую *стыдом* и регулируемую *страхом*. В определенном смысле это может быть сведено к тривиальному различию юридических и моральных норм поведения... Выделение в коллективе группы, организуемой стыдом, и группы, организуемой страхом, совпадает с делением "мы – они". Характер ограничений, накладываемых на

"нас" и на "них", в этом смысле глубоко отличен. Культурное "мы" – это коллектив, внутри которого действуют нормы стыда и чести. Страх и принуждение определяют наше отношение к "другим". Возникновение обычая дуэли, полковых судов чести в дворянской среде, студенческого общественного мнения (отказ подавать руку), писательских судов, врачебных судов в разночинной среде, стремление внутри "своей" среды руководствоваться этими нормами и не прибегать к услугам суда, закона, полиции, государства – свидетельства различных типов стремления применять внутри "своего" коллектива нормы стыда, а не страха... Именно в этой области классовые характеристики культуры проявляются особенно резко: если дворянский коллектив XVIII в., в идеале, внутри себя организуется нормами чести, нарушение которых *стыдно*, то по отношению к внешнему коллективу крестьян он навязывает запреты страха. Однако и крестьянский мир внутри себя организуется стыдом. По отношению к барину допустимы действия, которые внутри крестьянского мира считаются стыдными» [Лотман, 1970]. Отметим здесь фундаментальное деление «Мы – Они», на уровне архаической и традиционной культуры, разработанное В.П. Римским [Римский, 2011].

Сквозь интерпретацию стыда и страха у Ю.М. Лотмана две обозначенные выше модели, социально-этическая и государственно-патриотическая, могут быть расширены на всю отечественную культуру в целом. Примирение и единение с людьми, миром, защита чести и торжество справедливости соотносятся с концепцией стыда как культурного регулятива. Также наказание как утверждение легитимной власти неразрывно связано с устрашением. Мера устрашения была различна в зависимости от сословия, шкала этой меры начиналась с символического насилия и заканчивалась смертной казнью. Но и внутри сословия эти модели разделялись по линиям дуального противостояния, как бы удваивая общее деление «большой» культуры в малых.

Список литературы References

1. Борисов С.Н., Борисова О.С. 2011. Антропология революции: методология анализа события и кино-репрезентации. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 20 (115): 248-253.

Borisov S.N., Borisova O.S. 2011. Antropologiya revolyutsii: metodologiya analiza sobytiya i kino-reprezentatsii [Anthropology of revolution: a methodology for analyzing events and film representations]. Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 20 (115): 248-253.

2. Борисов С.Н., Дмитраков А.М. 2018. Концепт «безопасность» в философии эпохи возрождения и нового времени. Наука Искусство Культура. 1 (17): 74-79.

Borisov S.N., Dmitrakov A.M. 2018. Kontsept «bezopasnost'» v filosofii epokhi vrozozhdeniya i novogo vremeni [The concept of "security" in the philosophy of the Renaissance and the new time]. Nauka Iskusstvo Kul'tura. 1 (17): 74-79.

3. Липич Т.И., Липич В.В. 2014. Диалог с западом в русском литературно-философском романтизме. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 22 (193): 5-14.

Lipich T.I., Lipich V.V. 2014. Dialog s zapadom v russkom literaturno-filosofskom romantizme [Dialogue with the West in Russian literary and philosophical romanticism]. Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 22 (193): 5-14.

4. Липич Т.И., Липич В.В. 2012. Нравственно-эстетические поиски русских романтиков. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 8 (127): 31-36.

Lipich T.I., Lipich V.V. 2012. Npravstvenno-esteticheskiye poiski russkikh romantikov [Moral and aesthetic searches of Russian romantics]. Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 8 (127): 31-36.

5. Лотман Ю.М. 1970. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры. URL: <https://culture.wikireading.ru/48698> (дата обращения: 15 апреля 2019).

Lotman Yu. M. 1970. O semiotike ponyatii «stydy» i «strakh» v mekhanizme kul'tury [On the semiotics of the concepts of "shame" and "fear" in the mechanism of culture]. URL :: <https://culture.wikireading.ru/48698> (appeal date: April 15, 2019) (in Russian).

6. Мошкина З.В. 2008. Поведение политзаключенных женщин и карийская трагедия 1889 года. Гуманитарный вектор. Серия: педагогика, психология. 2: 78-85.

Moshkina Z.V. 2008. Povedeniye politzaklyuchennykh zhenshchin i kariyskaya trage-diya 1889 goda [The behavior of political prisoners women and the Carian tragedy of 1889]. Gumanitarnyy vektor. Seriya: pedagogika, psikhologiya. 2: 78-85.

7. Римский В.П. 2011. Отложенные кризисы этноидентичности в современной России: теоретические стереотипы и политические мифы. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 20: 359.

Rimskiy V.P. 2011. Otlozhennyye krizisy etnoidentichnosti v sovremennoy Rossii: teoreticheskiye stereotipy i politicheskiye mify [Deferred crises of ethno-identity in modern Russia: theoretical stereotypes and political myths]. Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 20: 359.

8. Софронов В.Ю., Боркова Е.В. 2012. История Сибири в письмах и произведениях А. Н. Радищева. Tobolsk, Изд-во Tobol. gos. соц.-пед. акад. им. Д.И. Менделеева: 96 с
Sofronov V.Yu., Borkova E.V. 2012. Istoriya Sibiri v pis'makh i proizvedeniyakh A. N. Radishcheva [The history of Siberia in the letters and works of A. N. Radishchev]. Tobolsk, publishing House of Tobolsk state socio-pedagogical Academy. D. I. Mendeleev: 96 p.

9. Фойницкий И.Я. 1886. Уголовное право. Учение о наказании. СПб., Типолитография Х. Ш. Гельперн: 450 с.

Foynitskiy I.Ya. 1886. Ugolovnoye pravo. Ucheniye o nakazanii [Criminal law. The doctrine of punishment]. SPb., Tipolitografiya KH. SH. Gel'pern: 450 p.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Горяинова А.С. 2019. Между стыдом и казнью. Феномен наказания в русской культуре XVII – начала XIX века. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 305–311. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-305-311

Goryainova A.S. 2019. Between shame and execution. The phenomenon of punishment in the russian culture of the XVII – early XIX century. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries. 44 (2): 305–311. (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-305-311